А.И. КУПРИН

БРИЛЬЯНТЫ

РАССКАЗ

Брильянты

Александр Иванович Куприн

Аннотация
Александр Иванович Куприн. Брильянты

Аннотация

Бриллианты, драгоценные безделушки, но какие только страсти не вызывают они в душах простых смертных, и не только простых. Нелегко устоять перед их чарующей магией…

Александр Иванович Куприн
Брильянты[1]

[1] Примечания: 1

Впервые — вместе с рассказом «Пустые дачи» в журнале «Южные записки», Одесса, 1904, № 39, 5 сентября под общим заголовком «Маленькие рассказы».

Южный вечер — жаркий и темный. Запыленные акации над горячим асфальтом тротуаров лениво просыпаются от тяжкой дневной дремоты. Нарядная толпа стремится двумя непрерывными потоками туда и обратно.

В одном месте образовался водоворот. Подходят, останавливаются, теснят друг друга, задерживают, сгущают общее движение и отходят прочь. Уходя, бросают последний, прощальный взгляд… Быстрый, тревожный взгляд.

Но другие подолгу стоят здесь, опершись грудью и локтями о круглую железную палку, ограждающую зеркальное стекло магазина, стоят, с бледными лицами, с широко раскрытыми, неподвижными глазами.

На белых плюшевых щитках, ряд над рядом, освещенные скрытыми рефлекторами, горят разноцветные капли огня. Как радует, как очаровывает наш глаз в ночной темноте их волшебный блеск!

В средине два брильянта, каждый величиной в лесной орешек. Их граней, их очертаний не видно. Это не камни — это два странные таинственные огня. Они горят, дрожат, играют, переливаются, смеются тысячами неуловимых, сияющих, лукавых улыбок, и манят, и обещают,

и обманывают…

Вот блеснул синий сноп лучей. Такого цвета не бывает ни на небе, ни в море: бывает только в раннем детстве, когда слушаешь сказку. Блеснул, затрепетал и скрылся, и вот уже льется оттуда, точно кровавое вино, точно зарево огромного пожара, точно безумная, пьяная радость, красный торжествующий огонь. Но — мгновение, незаметный поворот головы, сотрясение мостовой под экипажем, — и загорелось зеленое сияние, тихое, глубокое, загадочное, похожее на мерцание июньского светляка в густой траве. Еще миг — и заструился веселый золотой свет солнца, и вдруг заметались, заплясали все цвета радуги…

Ах, человеческие лица! Сосредоточенные, хмурые, бледные под этим отраженным, рассеянным, матовым светом — как много говорят они печального, и злого, и глупого! У женщин хищно раздуваются ноздри, и зубы влажно блестят из-за полураскрытых губ. Их теснят, толкают, но они не чувствуют этого, обвороженные чудесным блеском, увлеченные одним стремлением.

Юноша и девушка. Оба стройные, гибкие, красивые. Может быть, они только что тайно встретились в условленном месте — встретились с волнением, с нежностью, с прелестной

боязливостью. Кто-нибудь из них опоздал на свиданье. Была сцена притворной холодности, ревности, вражды сквозь неудержимые, ласкающие, шаловливые улыбки. И вот они стоят здесь, забыв друг о друге, загипнотизированные лукавой игрой брильянтов, ушедшие в странные нездоровые грезы.

Жена с мужем. Старик. Беременная женщина. Двое юрких, прекрасно одетых пройдох с голодными глазами. Посыльный, задержавшийся впопыхах на секунду. Кокотка. Жена с мужем. Нет, впрочем, это не муж и жена… но все равно они забыли, потеряли, не чувствуют друг друга, хотя их руки еще соприкасаются.

И во всех этих лицах, во всех этих глазах, которые на минуту становятся бесцветными, бездонными и лживыми, я читаю одно и то же жадное слово:

Если бы!

Если бы чудо?.. Если бы найти на улице?.. Если бы чья-то неожиданная сказочная щедрость?.. Если бы… Если бы украсть, но так, чтобы никто никогда не знал об этом?..

Кто знает, что оказалось бы в лучших душах человеческих, если бы можно было незаметно проникать в них и наблюдать их самые тайные,

самые скрытые изгибы? Сколько столпов, сколько твердых мужей, сколько честных граждан оказалось бы ворами, убийцами, прелюбодеями? И кто может сказать непоколебимо, что страшней — мысли или дело, и где их границы?

Самое странное, смешное, нелепое, необыкновенное в мире — это людские условности. Вот лежат два кусочка сгущенного углерода, два кусочка угля, две блестящие побрякушки. Но в них, как в фокусе, сосредоточены: богатство, роскошь, почет, женская любовь, власть…

Так сложилась жизнь, так условились люди.

Особенно власть. О, как понятно мне, почему самые прославленные историей, самые кровожадные тираны человечества были в то же время такими тонкими знатоками, ценителями и собирателями драгоценных камней! Для них, пресыщенных всеми крайними формами власти и наслаждения, драгоценности являлись жгучими, но пока еще сокрытыми символами дальнейшего бесконечного расширения их личности. Это была та же огромная, страстная власть одного над миллионами, но власть, чудесно сконцентрированная в маленьком предмете, который мог поместиться и в кулаке. Это была власть в потенциальном виде.

Из-за драгоценных камней велись кровопролитные войны. Земные владыки нелегко расстаются с этими маленькими вещицами. Подобострастная история сохранила нам анекдот о том, как улыбающаяся царица Клеопатра выпила, растворив в бокале вина, жемчужину, равной которой по величине и красоте не было в мире. Но, вероятно, никто не знает, что случилось сейчас же после этого безумно-великолепного пиршества.

Случилось же вот что.

Возвратясь с пира в свою опочивальню, Клеопатра приказала раздеть себя. Нубийская рабыня неосторожно прикоснулась рукой к обнаженному плечу царицы, и царица в порыве гнева вонзила в ее черную грудь острую головную булавку. Когда же рабыня застонала, Клеопатра воскликнула в ярости:

— Не смей кричать! Дура!

В это время евнух, стоя почтительно на четвереньках, благоговейно напомнил императрице о судьбе пленного грека-философа. Прежде у Клеопатры был тонкий замысел: устроить с этим ученым публичный диспут в присутствии высоких римских гостей и, показав себя во всем блеске ума и красноречия, великодушно возвратить

пленнику свободу. Но теперь, огорченная потерей многоценной жемчужины, она закричала с раздражением и со слезами в голосе:

— Что ты ко мне пристаешь с глупостями! Удавить его!

1904